



**А**пологетический трактат «Сэфер Кузари» («Книга хазара»), написанный великим еврейским поэтом Иегудой Галеви в первой половине XII в., на протяжении нескольких веков переписывался и комментировался еврейскими мудрецами. В сочинении одного из них, Моше Бен Нахмана (Нахманида), написанном в XIII в., мы даже встречаем имя миссионера, обратившего хазар в иудаизм, который у Иегуды Галеви остался безымянным, – Ицхак Сангари.

В 1577 г. Ицхак Акриш, потомок изгнанников из Испании, опубликовал в Стамбуле обнаруженную им переписку между хазарским царём Иосифом и испанским сановником – евреем Хасдаем ибн Шафрутом. Казалось, появилось весомое доказательство принятия хазарами иудаизма. Однако европейская научная общественность склонна была относиться к этой истории как к красивой легенде вплоть до 20-х гг. XIX в., когда российский академик Френ опубликовал большой корпус арабских источников с многочисленными упоминаниями о хазарском иудаизме. Только с этого момента европейским учёным становится ясно, что иудаизм хазар – не сказка, а историческая реалья.

Поэтому, когда в 1839 г. караимский собиратель древностей Авраам Самуилович Фиркович обнаруживает на древнем кладбище Чуфут-Кале могилу с надписью «Ицхак Сангари», открытие вызывает немалый интерес. С этого момента и на протяжении вот уже более чем полутора столетий редкое исследование по хазарской тематике обходится без упоминания тех или иных находок Фирковича. Его коллекция, хранящаяся в Российской

Артём Михайлович  
Федорчук – научный  
сотрудник Института  
славяноведения РАН.



Книга Ионы Гурланда – одна из первых попыток описания рукописных коллекций Фирковича. 1867. РГБ: ЗВ 8-51/127.

национальной библиотеке в Санкт-Петербурге (в прошлом – Императорская Публичная библиотека), насчитывает более 15 тысяч единиц рукописей и фрагментов, относящихся к разнообразным областям истории, экзегезы, литературы, философии.

Неудивительно, что изучение караимских некрополей, начало исследованию которых положил Фиркович, стало важной составной частью Хазарского проекта.

Нельзя не отметить, что имя Фирковича нередко употребляется с определением «фальсификатор». Так, великий русский семитолог П.К. Коковцов, характеризуя обнаруженную Фирковичем рукопись «пространной редакции» письма царя Иосифа Хасдаю ибн Шафруту, счёл своим долгом отметить, что, поскольку этот документ происходит из коллекции «известного своими подделками караима Фирковича», относиться к нему следует с большой осторожностью.

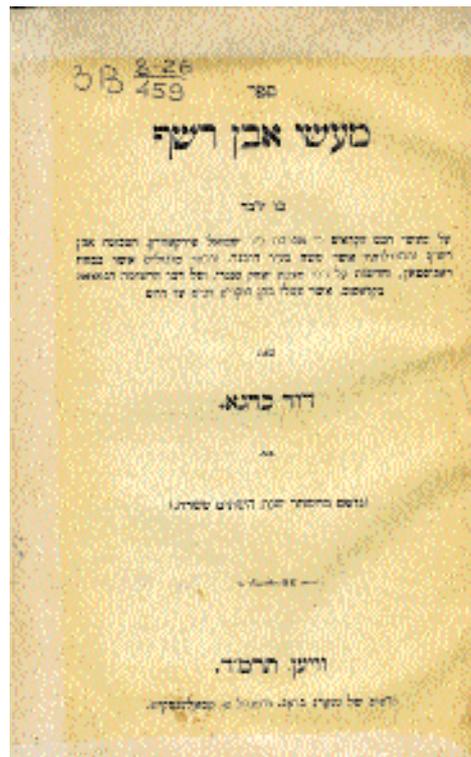
Фиркович принадлежал к караимам – религиозному течению, возникшему в еврейской среде на территории современного Ирака в VIII в. христианской эры, последователи которого, в отличие от представителей «нормативного» раввинистического иудаизма не признавали Устную Тору (Талмуд), считая единствен-

ным источником Божественного откровения лишь Письменную Тору. Ко второй половине XVIII в. немногочисленные караимские общины существовали в Османской империи (Каир, Стамбул, Иерусалим и др.) и на территории Речи Посполитой – в Литве, Галиции и на Волыни. Наиболее крупными караимскими центрами являлись «пещерные города» Чуфут-Кале и Мангуп, а также Гезлев (Евпатория), Кафа (Феодосия) и ряд других городов Крымского ханства. Крымское ханство было присоединено к Российской империи в 1783 г., значительная часть Речи Посполитой после трёх разделов Польши также оказывается в составе России, и таким образом караимские общины становятся подданными империи. Не вдаваясь в исторические подробности, отметим, что караимы добились, чтобы их отличали от евреев и раввинистов.

В 1863 г. в законодательных актах Российской империи термин «еврей-караимы» заменяется словом «караимы» и тогда же они освобождаются от всех ограничений, налагавшихся на евреев, и уравниваются в правах с православным населением империи. Важным фактором, оказавшим влияние на изменение статуса караимской общины в Российской империи, ста-



Книга Авраама Фирковича «Покушения и споры» – один из немногих сохранившихся экземпляров. 1838.



Книга Давида Кахана «Деяния Эвен Решефа», критическая работа о Фирковиче. Вена, 1884.

ли теории происхождения крымских караимов, выдвинутые или обоснованные Авраамом Фирковичем.

Фиркович, родившийся в Луцке в 1787 г., получил традиционное караимское образование, и в начале 1820-х гг. переехал в Крым, где служил домашним учителем в семье богатого и влиятельного купца Симхи Бабовича. В 1830 г. Фиркович сопровождает Бабовича в паломничество в Иерусалим, а на обратном пути на два года задерживается в Стамбуле, где преподаёт в караимской школе. К этому времени, по всей видимости, Фиркович уже увлекался собиранием старых книг и рукописей однако, переломным моментом в его жизни стал 1839 г., когда, вернувшись в Крым и несколько лет с переменным успехом позанимавшись издательским делом, он берёт на себя решение сложной задачи, вставшей перед крымской караимской общиной.

До начала XIX в. центром караимской общины Крыма был Чуфут-Кале. Это название, которое в русской литературе переводится с турецкого языка как «Жидовский городок», поскольку слово *чуфут* по-турецки является пейоративным обозначением евреев, город получил в XVII в., когда его окончательно покинуло мусульманское население и караимы соста-

вили абсолютное большинство городских жителей. Без посещения этого, без преувеличения, одного из красивейших мест Крыма, не обходился практически ни один путешественник по Крыму, включая и высокопоставленных особ. Достаточно заметить, что из российских императоров, начиная с Екатерины II, на Чуфут-Кале не успел побывать только Павел I. У большинства путешественников, в том числе коронованных, неизбежно возникали недоуменные вопросы относительно странного народа, говорившего на диалекте крымско-татарского языка, придерживавшегося в быту обычаев, во многом схожих с традициями окружающего крымско-татарского населения и в то же время исповедовавшего иудаизм, пусть и в необычной форме, писавшего на иврите не только книги, но и надгробные надписи.

В 1839 г. караимская община получает от генерал-губернатора Новороссии и Бессарабии графа М.С. Воронцова ряд вопросов: «1) В какое время и по какой надобности пришли сюда караимы и поселились здесь, в Крыму? 2) Откуда и от какой нации происходят караимы? 3) Какие их свойства, нравы и занятия? 4) Не находятся и не находилось ли между караимами знаменитых мужей, прославивших

век свой отличными их деяниями? 5) Не имеется ли у них летописей от их предков, которыми бы могли доказать, что их вера – самая древняя? 6) По какой причине караимы отделились от раввинистов и какая между ними разница в расуждении их веры?».

Интеллектуалов, способных заняться решением данной проблемы, в караимской среде было немного. И выбор общины падает на Авраама Фирковича и молодого караима Соломона Бейма, которые осенью 1839 г. отправляются в первую археографическую экспедицию по Крыму. Её результатом стала находка 51 рукописи и фрагмента Библии и 58 копий, сделанных с надгробных камней на караимских кладбищах в Чуфут-Кале и на Мангупе. Именно тогда он и находит надгробие с надписью «Ицхак Сангари», из чего делает вывод, что хазары приняли иудаизм

**Общий вид надгробия «Ицхака Сангари».**



караимского толка, и впоследствии их остатки смешались с крымскими караимами. На многих обнаруженных Фирковичем рукописях имелись сделанные переписчиками колофоны, ряд из которых содержал неожиданные сведения о жизни караимов и хазар в Крыму в первом тысячелетии христианской эры.

В 1840 г. Фиркович передаёт эти материалы в Одесское общество истории и древностей. Тогда и возникают первые сомнения в верности сделанных им копий с надгробий. Однако направленный в Крым видный еврейский просветитель Бецалель Штерн признал все копии Фирковича верными.

Тем временем Фиркович продолжает свои путешествия. В 1840–1841 гг. он посещает Северный Кавказ, где обнаруживает ещё целый ряд старинных манускриптов, в том числе ставший знаменитым «Маджалисский документ», представляющий собой колофон на библейской рукописи, найденной в селении Маджалис близ Дербента.

Именно на основании этого документа, в первую очередь, и складывается «концепция Фирковича», подтвержден-

**Надгробие с надписью «Сангарит».**

ем которой становятся найденные им впоследствии другие колофоны и эпитафии. Основной постулат этой теории состоял в том, что предки крымских караимов появились в Крыму более чем за пять веков до начала христианской эры и, таким образом, не несут ответственности за распятие Иисуса (а именно это обвинение, как известно, на протяжении столетий служило основным обоснованием антиеврейского законодательства в христианских странах).

Широкой общественности эта теория стала известна в 1840-х гг. из работ, опубликованных русскими авторами. В 1843 г. в «Журнале Министерства Внутренних Дел» была опубликована статья «Еврей-караимы», в которой, на основании анализа находок Фирковича был сделан вывод о том, что «нынешние Крымские Караимы, а потому и происходящие от них Караимы Литовские, Волынские и Галицкие суть прямые потомки особенной ветви Евреев, отделившейся от своих собратьев во времена стародревние, ещё до эпохи Вавилонского Плена и проникшие в пределы нынешней России из глубины Средней Азии».

В 1846 г. молодой ориенталист В.В. Григорьев, автор ряда важных работ по хазарской истории, выражает сомнение в еврейском происхождении крымских караимов. Он предполагает, «что они не Евреи, а потомки тех Турок-Хазар, которые, как известно, исповедовали Закон Моисея и владели Крымом с 8 до 11 века». Именно Григорьев и положил начало теории хазарского происхождения караимов, которую позднее с энтузиазмом подхватили караимские авторы.

В 1843 г. Фиркович работает на кладбище рядом с «пещерным городом» Мангуп, где фиксирует 66 эпитафий, древнейшую из которых датирует 871 г. Затем он продолжает исследования некрополя близ Чуфут-Кале и совершает второе путешествие на Кавказ.

Собранную коллекцию Фиркович предлагает Императорской Публичной библиотеке. Назначенная Академией наук комиссия признаёт ценность и уникальность находок, и 5 октября 1862 г. коллекция, насчитывавшая около 1500 рукописей, 754 копии с надгробных камней и 10 надгробных плит с кладбища в Иосафатовой долине, спиленных Фирковичем,

**Кладбище в Чуфут-Кале. Слева – вертикальные надгробия выходцев из Луцка. Конец XV в.**





Титульный лист книги А. Фирковича «Сэфер Авне Зиккарон». РГБ: ЗВ 8-42/691; 692; 693.

была приобретена библиотекой. К сожалению, все спиленные Фирковичем надгробные плиты бесследно исчезли, по всей видимости во время эвакуации в 1941 г. коллекций Государственного Эрмитажа, в запасниках которого их видели в последний раз за четыре года до войны.

Вскоре после продажи коллекции 76-летний Фиркович отправляется в новое большое путешествие на Ближний Восток. За полтора года он собрал тысячи манускриптов, которые в конце концов также оказались в Публичной библиотеке.

Вернувшись в Россию, Фиркович окончательно поселяется в Чуфут-Кале. Последние годы жизни он проводит, разбирая свои грандиозные коллекции, продолжая раскопки на кладбище, а также лелея мечту о возрождении древнего города, который к тому моменту почти совершенно опустел.

В 1872 г. он издаёт в Вильно «Сэфер Авне Зиккарон. Сборник надгробных еврейских надписей на Крымском полуострове, собранных учёным караимом Авраамом Фирковичем». К этому времени относится самое известное из дошедших до нас описаний нашего героя, оставленное писателем и путешественником Е.Л. Марковым. Фиркович предстаёт в нём как «старец, высокого роста, величавого

вида. Он одет был в длинный хитон, на голове его была белая круглая шапка с широким околышком, фиолетового цвета, и что-то среднее между чалмой Шамиля и митрой библейских первосвященников... Он горько жаловался, что Публичная библиотека ограничилась помещением его рукописей в шкафы и прибитием ярлыка... «Если бы мне дали 10 ориенталистов, я бы нашёл занятия на целую их жизнь».

30 июня 1874 г. Авраам Самуилович Фиркович скончался и был погребён на древнем кладбище близ Чуфут-Кале.

Сразу после смерти Фирковича разгорается бурная полемика о его наследии. Её главными действующими лицами становятся два крупнейших российских гебраиста – Даниил Авраамович Хвольсон (1819–1911) и Авраам Яковлевич Гаркави (1839–1919). Личности этих учёных и их взаимоотношения наложили на дальнейшее развитие событий неизгладимый отпечаток. Д.А. Хвольсон (одним из основных его произведений, в той или иной мере известным почти всем русским читателям, является Синодальный перевод Библии, где большая часть Ветхого Завета переведена Хвольсоном), родившийся в бедной еврейской семье в Вильно, закончил Бреславский университет, и в 1854 г. возглавил кафедру еврейской, сирийской и халдейской словесности на факультете восточных языков Санкт-Петербургского университета, перейдя перед этим в православие. Он был первым квалифицированным гебраистом, в руки которого попали собранные Фирковичем материалы. В 1866 г. Хвольсон выпускает книгу «Восемнадцать еврейских надписей из Крыма», в которой признаёт их безусловно подлинными.

А.Я. Гаркави, в отличие от своего коллеги, всю жизнь оставался ортодоксальным евреем, что в условиях Российской империи отнюдь не способствовало карьерному росту. Так, когда в 1870 г. он попытался занять кафедру в Санкт-Петербургском университете, то при голосовании был забаллотирован, причём одной из причин этого, видимо, стал отрицательный отзыв Хвольсона на его магистерскую диссертацию. После этого Гаркави поступает на службу в Императорскую Публичную библиотеку, где в течение полувека фактически является хранителем фонда Фирковича. С этого момента начинается многолетняя откровенная вражда между двумя учёными.



Подпись гласит: «Портрет великого учителя, исследователя древностей, учителя всех Сынов Писания [караимов] Авраама сына Шмуэля Фирковича, да горит его свеча, по прозвищу Эвен Решеф («Метеор»).

Чтобы дать оценку рукописям «второго собрания Фирковича», предложенного наследниками коллекционера Публичной библиотеке, Гаркави побывал в Крыму вместе с немецким семитологом Г. Штраком. Через несколько месяцев они выпускают каталог библейских рукописей из собрания Фирковича, в ко-

тором многие колофоны на рукописях объявляются фальсификациями, сделанными Фирковичем для доказательства того, что предки крымских караимов отделились от евреев до рождения Христа. Через год Гаркави выпускает новую работу, в которой объявляются подделанными все надгробные надписи, датируемые

ранее, чем 1240 г. В те же годы появляются другие работы, в которых Фиркович обвиняется в разного рода подлогах и фальсификациях. Немалая доля ответственности возлагается при этом и на Хвольсона.

Последний, репутация которого в научном мире оказалась тем самым сильно подмоченной, решает оправдаться и, проведя дважды, в 1878 и 1881 гг., длительные исследования на кладбище в Чуфут-Кале, выпускает капитальную монографию, в которой сосредоточивается на исследовании надгробий. Помимо надписей, обнаруженных Фирковичем, Хвольсон обнаружил ещё сорок эпитафий, древнейшие из которых датировал 240–613 гг. Однако ряд эпитафий, найденных Фирковичем, Хвольсон признаёт поддельными.

Дискуссия между Хвольсоном и Гаркави не завершилась ничем, однако представление о том, что ко всем находкам Фирковича необходимо относиться с большой осторожностью, укоренилось в среде мировой научной общественности.

В советское время изучение коллекций Фирковича, равно как и крымских кладбищ, возобновилось только в конце 1970-х – начале 1980-х гг. Эпизодические исследования на кладбищах Чуфут-Кале и Мангупа проводили М. Елизарова, Н. Бабаликашвили, Е. Мещерская, А. Хосроев, Н. Кашовская, М. Макушкин.

В 1998 г. автор данной статьи обнаружил в личном архиве Фирковича составленные в конце 1840-х гг. черновики его книги «Авне Зиккарон», сличение которых с печатным изданием книги и с эпитафиями, сохранившимися на некрополе, позволило проследить, как происходило изменение надписей. Однако окончательно ответить на вопрос об истинной датировке надгробий и масштабах изменений, которые Фиркович вносил в эпитафии, оставалось невозможным без полной документации некрополей Чуфут-Кале и Мангупа. Эта задача оказалась под силу научному коллективу, объединённому Международным центром еврейского образования и полевых исследований, который в 2004–2006 гг. провёл ряд эпиграфических экспедиций, в ходе которых удалось завершить каталогизацию относительно небольшого по размерам мангупского некрополя (большая часть этой работы была проделана Н. Кашовской, начиная с 1990 г.), а затем зафиксировать и расшифровать подавляющее большинство эпитафий крупнейшего некрополя Чуфут-Кале. В настоящее время идёт подготовка к выпуску полных каталогов этих кладбищ.

Реальное положение вещей на некрополе Чуфут-Кале обстоит следующим образом: общее количество надгробий – около 7 тыс. (что чрезвычайно близко к оценке Фирковича, сделанной в 1847 г.), из

**Надгробный камень Якова, сына Иосифа. 1535. (Согласно Фирковичу – 535).**



них около 3400 имеют эпитафии. Старейшие частично сохранившиеся эпитафии датируются 1364 г. и 1387 г. К сожалению, надписи на других памятниках XIV в. уже невозможно прочитать из-за плохой сохранности (увы, общее состояние некрополя весьма плачевно и процесс его разрушения продолжается). Сохранилось также 24 эпитафии XV в., порядка 50 надписей XIV в. и около 400 надгробий, датируемых XVII в. Большая часть надгробий относится к XVIII–XIX вв., а последние захоронения на кладбище датируются серединой XX в.

Из 26 уцелевших надгробных надписей XIV–XV вв. (семь из них сохранились лишь в копиях, сделанных Фирковичем и Хвольсоном на месте спиленных эпитафий) все, кроме одной, зафиксированы в книге Фирковича «Сэфер Авне Зиккарон», при этом подавляющее большинство из них (23) отнесены им к более ранним периодам. Теперь по уцелевшим эпитафиям можно составить полную картину того, каким образом Фиркович изменял надписи. Даты в еврейской традиции записываются буквами. Каждая имеет определённое числовое значение: первыми девятью буквами алфавита обозначаются единицы, если они стоят в конце даты, либо тысячи, если они стоят в её начале; следующие девять букв обозначают десятки от 10 до 90; последние четы-

ре буквы (от 100 до 400), либо их сочетания (от 500 до 900) обозначают сотни. Для записи дат существует несколько способов. Самый простой и наиболее распространённый из них – «линейная» запись даты: тысячи (которые зачастую опускаются – датировка «по малому счислению») сотни, десятки и единицы.

Основной метод, применявшийся Фирковичем в массовом порядке, был весьма прост и состоял в добавлении одной короткой горизонтальной черты к букве **ה** (*хэй*). С этой буквы начинается большое количество дат, так как в начале даты она обозначает 5000. Пятидесятилетний год от сотворения мира, согласно основной системе летоисчисления, принятой в еврейской традиции, соответствует 1239/40 г. н. э. Добавление одной дополнительной линии превращает **ה** в букву **הׁ** (*тав*), числовое значение которой – 400. Таким образом, удавалось «состарить» надгробия на 600 лет. В большинстве случаев изменения такого рода легко различимы невооружённым глазом

Приведём в качестве примера эпитафию Хануки, сына Мордехая, похороненного в 5237 г. от сотворения мира, т.е., в 1477 г. Изменение по описанному выше способу превратило дату в 637 г. от сотворения мира (по «малому счислению»), а поскольку 5637 г. соответствует 1877 г. н. э., который на момент публикации

Надгробный камень Хануки, сына Мордехая. 1477. (Согласно Фирковичу – 726.)



надписи ещё не наступил, то Фиркович относит надпись к 877 г. В окончательной редакции книги он делает её, как и многие другие ранние эпитафии, ещё древнее, считая дату по «древней крымской эре», которая якобы использовалась в Крыму в первом тысячелетии и была на 151 год длиннее общепринятой.

Существование этой мифической эры Фиркович доказывает с помощью эпитафии Эстер, дочери Шломо (реальная дата – 1476 г., согласно Фирковичу – 625 г.), в опубликованном в книге «Авне Зиккарон» варианте которой присутствовала двойная датировка – по «древней крымской» эре, обозначенной просто «от сотворения», и по так называемой «матархейской», которую якобы, использовали евреи, жившие в городе Матарха (русская Тмутаракань) на Таманском полуострове, и которая соответствует обычной эре от сотворения мира. Однако и в черновиках «Авне Зиккарон», и на копии эпитафии, вырезанной Фирковичем на камне после её спиливания, указание на «матархейскую» эру отсутствует, и это доказывает, что «древняя крымская» эра была придумана самим Фирковичем.

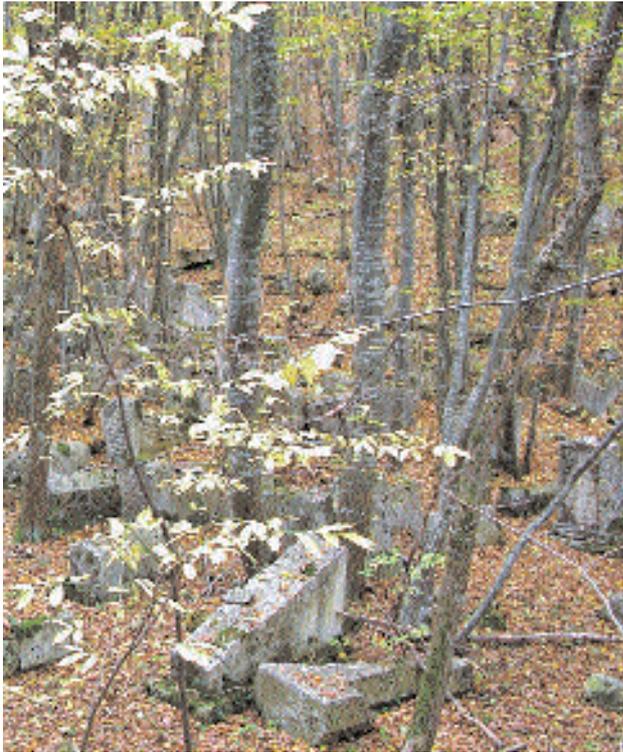
В некоторых эпитафиях дата обозначается не «линейно», а хроностихом – чаще всего, библейским отрывком, некоторые буквы в котором отмечены (обычно – точками над буквой), и дата определяется сло-



жением числовых значений отмеченных букв. Фиркович добавлял в хроностихах дополнительные точки, за счёт чего дата также изменялась на несколько столетий. Например, в эпитафии Авраама, сына Симхи, прибавление лишней точки

**Надгробный камень Эстер, дочери Шломо, 1476. Надпись спилена Фирковичем, и на её месте сделана копия.**





над буквой **ש** (*шин*) в хроностихе превращает дату 1573 г. в 873 г.

Порой Фиркович не вносил никаких исправлений в дату, а попросту относил её к предыдущему тысячелетию в тех случаях, когда дата указывалась «по малому

счислению», например, эпитафия Якова, сына Иосифа, скончавшегося в 1535 г., отнесена Фирковичем к 535 г.

Иногда для изменения даты требовалась более изобретательная корректировка текста. А некоторые эпитафии, опубликованные в «Авне Зиккарон», по всей видимости, просто не существовали на кладбище, а появились уже в книге или в её черновых вариантах.

Таким образом, анализ всего корпуса сохранившихся эпитафий кладбища в Чуфут-Кале позволяет окончательно закрыть вопрос об истинной датировке этого важнейшего памятника. Сходную картину мы видим также на меньшем по размерам мангупском кладбище, где несколько десятков надгробий «состарены» Фирковичем на 600 лет.

Исследования многочисленных колофонов рукописей из собрания Фирковича также показывают, что несколько десятков из них были изменены или сочинены самим коллекционером. Однако неоднократно звучавшие обвинения Фирковича в том, что он, якобы, подделывал сами средневековые рукописи, можно считать беспочвенными (за одним возможным исключением – упоминанием названия «Мангуп» в рукописи письма хазарского царя Иосифа).

Находки Фирковича, а также построенная им, по его собственному определению,

**Копия оригинальной надписи эпитафии Эстер, дочери Шломо. Из книги «Сэфер Авне Зиккарон».**



«система древностей», привели к разнообразным последствиям. Его деятельность в большой мере способствовала развитию многих отраслей российской габраистики и иудаики на протяжении всех полутора столетий их существования. Мы столь подробно осветили здесь вопрос о фальсификациях, поскольку именно эта проблема многие годы вызывала наиболее бурные диспуты. Недостоверные материалы, к которым приложил руку Фиркович, в частности надгробные памятники из Чуфут-Кале и Мангупа, а также колофоны, которые он отнес к хазарскому времени, до сих пор иногда используются в научной, и не только научной, полемике, в том числе и в сюжетах, связанных с историей хазар. Отметим, что до сих пор, например, упомянутую эпитафию Хануки, сына Мордехая, зачастую приводят для доказательства существования этого имени в VIII в., сопоставляя её с документами, составляющими корпус еврейско-хазарской переписки.

С другой стороны, нередко ценнейшие рукописи (включая пространную редакцию письма царя Иосифа) априори вызвали подозрение лишь потому, что происходили из коллекции Фирковича. Теперь, когда публикуются всё новые и новые рукописи, собранные Фирковичем, а в ближайшее время будет введён в научный оборот ценнейший эпиграфический

материал с кладбищ Чуфут-Кале и Мангупа (основным стимулом для исследования которых, в частности в рамках Хазарского проекта, послужили именно загадки Фирковича, интриговавшие многие поколения учёных), ещё очевиднее становится значение грандиозного труда коллекционера.

Для восточноевропейских караимов построения Фирковича в результате оказались спасительными. Если в XIX в. они способствовали получению караимами равноправия в Российской империи, то в бурных перипетиях XX столетия их последствия оказались ещё важнее. Если для самого Фирковича караимы, безусловно, оставались евреями, то следующие деятели караимского национального движения, в первую очередь последний караимский гахам С.М. Шапшал (1873–1961), опираясь на теории Фирковича, Григорьева и других авторов, разработали концепцию, согласно которой восточноевропейские караимы являются не евреями, а потомками хазар, принявших, якобы, иудаизм караимского толка. Эта теория, в конечном счёте, спасла караимов в годы Второй мировой войны, в ходе которой большая их часть избежала трагической участи, постигшей восточноевропейское еврейство.

**Фото А. Арёфевой,  
Е. Варшава, М. Хейфеца.**

